

¹⁷ Манов Г.Н. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы // Сов. государство и право. — 1989. — № 6. — С. 5—6.

¹⁸ Кузьмин Э. "Развитие демократии до конца..." : К 70-летию работы В.И.Ленина "Государство и революция" // Правда. — 1987. — 24 августа.

¹⁹ См. интервью с директором-организатором Института социологии АН СССР В.А.Ядовым (Правда. — 1989. — 26 июня).

²⁰ Социальные отклонения: Введение в общую теорию. — М., 1984. — С. 112—113.

²¹ Антонян Ю.М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Сов. государство и право. — 1988. — № 8. — С. 52—57.

²² Наш депутат: социологический эскиз // Литературная газета. — 1989. — 21 июля.

²³ Гаврилов О.А. Проблемы методологии социально-правовых исследований. — С. 26—29.

²⁴ Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. — М., 1986.

Н.И.Козюбра

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Дается краткая характеристика различных типов прогнозов в юридической науке, места в их структуре так называемых исследовательских или перспективных прогнозов и предпринята попытка раскрыть их особенности: комплексность, поливариантность, соотношение качественных и количественных характеристик прогнозируемого государственно-правового явления, влияние протяженности интервала прогноза (прогнозного периода) на выбор способов и конкретной методики прогнозирования и др.

Внимание ученых-юристов к проблеме государственно-правового прогнозирования в истории советской юридической науки не принадлежит к числу стабильных. Периоды активизации ее разработки (особенно в первые годы Советской власти) сменялись периодами если не полного, то относительного застоя. Лишь в последние десятилетия исследовательский интерес к названной проблеме приобрел известное постоянство. Наряду со специальными работами, посвященными некоторым общетеоретическим аспектам предвидения в правоведении¹, выводы прогностического характера все чаще встречаются в исследованиях по конкретным отраслям юридической науки. Особенно большой положительный опыт в разработке прикладных аспектов прогнозирования накоплен криминологией, которая приступила к активным исследованиям данной проблемы раньше других отраслей правоведения².

И все же прогностическая функция юридической науки до настоящего времени не получила развития, отвечающего тем сложным задачам, которые стоят ныне перед обществом. Высказывания правоведов о перспективах развития конкретных государственно-правовых явлений нередко опираются на общие соображения, а не на комплексные исследования закономерностей и тенденций развития этих явлений, ши-

© Н.И.Козюбра, 1990

ISBN 5-12-001036-9. Методологические проблемы юридической науки.

Киев, 1990

рокое использование данных практики и соответствующую методику их обработки, в том числе количественную оценку тех или иных возможностей. Нет надобности доказывать, что повышение уровня прогностической "отдачи" правоведения во многом зависит от углубленной разработки теоретико-методологических вопросов научного правового предвидения. Можно без преувеличения говорить о том, что юридическая наука находится ныне лишь в начале этого пути. Между тем исследование указанных вопросов не только непосредственно служит потребностям практики (способствует повышению научной обоснованности принимаемых решений, "взвешиванию" их возможных последствий и т.п.), но и выступает в качестве важного способа самопознания юридической науки, ее гносеологических особенностей и возможностей. Если же учесть, что в процессе прогнозирования на разных его этапах включается весь арсенал методов, которым пользуется или должно пользоваться правоведение (этот процесс, стало быть, довольно отчетливо обнаруживает как наши достижения, так и недостатки в их разработке), то актуальность методологических вопросов научного предвидения в юридической науке становится еще более очевидной.

Анализ указанных вопросов целесообразно, видимо, начать с очень краткого рассмотрения некоторых элементов категориального аппарата социальной прогностики в целом и правовой, в частности, который, как отмечалось ранее, также выполняет методологическую функцию, и прежде всего с видов или типов прогнозов, поскольку от них в значительной степени зависит как направленность и логическая процедура прогноза, так и выбор его конкретных методов. В литературе по социальной прогностике предлагаются различные основания классификации прогнозов: в зависимости от объекта прогнозирования, от видов производства, от временного интервала прогнозирования и т.д.³ Некоторые авторы по этим и другим основаниям выделяют до 50 типов прогнозов⁴. Отнюдь не все из этих оснований классификации могут быть использованы юридической наукой. Наиболее существенное значение для нее, с нашей точки зрения, имеет разделение прогнозов на исследовательские (нередко их называют поисковыми, перспективными и т.д.) и нормативные или целевые⁵, а также классификация в зависимости от так называемого горизонта прогнозирования, т.е. его временного интервала. Это разумеется, не исключает и других оснований типологии прогнозов в юридической науке.

Исследовательский прогноз предполагает опирающееся на объективные материалы и научные методы специальные исследования конкретных перспектив государственно-правовой действительности. Спектр такого рода исследования очень широк, начиная от непосредственно практических, прикладных вопросов правовой реальности (например, прогнозов динамики тех или иных категорий правонарушений в конкретном регионе, в предстоящем году и т.п.) и кончая фундаментальными проблемами развития политико-правовой надстройки на относительно

но длительную историческую перспективу (например, прогнозов развития социалистического государства, демократии, права, изменений в сфере, формах и методах правового регулирования, системе права и системе законодательства и т.д.). Нормативный прогноз сводится в конечном итоге к поиску необходимых путей и средств, с наибольшей вероятностью ведущих к реализации познанных потребностей общественного развития и основанных на них целей. Причем эти потребности и цели могут быть результатом как научно-правового познания, в том числе перспективного прогнозирования, так и, чаще всего, исследований, осуществляемых другими общественными науками — экономикой, социологией, демографией и т.д. Хотя указанные типы прогнозов тесно взаимосвязаны, а различие между ними относительно, их не следует отождествлять. Они имеют ряд существенных особенностей в этапах разработки, выборе методики, определении способов оценки прогнозов и др. Далее внимание будет сосредоточено преимущественно на исследовательских прогнозах.

В зависимости от временного интервала (горизонта) предвидения прогнозы чаще всего подразделяются на краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и сверхдолгосрочные. В литературе встречается и более дробная классификация прогнозов по указанному основанию: применительно к темпам развертывания НТР выделяются неопределенно далекие и определенно далекие прогнозы, а также текущие прогнозы. Нет единства взглядов и относительно протяженности временного интервала для каждого из названных видов (типов) прогнозов. Так, в зависимости от объекта прогнозирования для краткосрочных прогнозов он колеблется от 1 года (иногда от нескольких месяцев) до 20 лет, для среднесрочных — от 5 до 45 лет, долгосрочных — от 10 до 100 лет и более⁶. Учитывая ограниченность возможностей определения сроков социальных, в том числе правовых, прогнозов (о чем подробнее речь пойдет ниже) для правоведения вряд ли целесообразно выделение таких их типов, как неопределенно далекие и определенно далекие прогнозы. Что касается остальных типов правовых прогнозов, то для них может быть определена следующая оптимальная протяженность горизонта предвидения: для текущих прогнозов — от нескольких месяцев до 2 лет, краткосрочных — 2—5 лет, среднесрочных — 5—10 лет, долгосрочных — 10—30 лет, сверхдолгосрочных — более 30 лет.

Если в разработке первых двух типов прогнозов юридической наукой накоплен немалый опыт, то многие вопросы, связанные со среднесрочным и, особенно, с долгосрочным и сверхдолгосрочным прогнозированием государственно-правовых явлений, остаются пока нерешенными. Первый — принципиальная возможность долгосрочного прогнозирования в юридической науке. Может ли она давать прогнозы, скажем, на 30—50 и более лет или же юридическая наука решает задачи преимущественно сегодняшнего, в лучшем случае — завтрашнего дня⁷. Казалось бы, вопрос не совсем корректен, поскольку правоведы

уже относительно давно активно включились в разработку (пусть не совершенную, но несомненно необходимую) не только планов экономического и социального развития городов, областей, республик, страны в целом, но и комплексных программ научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий по Союзу СССР и отдельным республикам на весьма отдаленную перспективу. Однако для его постановки есть довольно веские основания. Дело в том, что возможности и пределы прогностической функции (как, впрочем, и других функций любой науки) определяются, как известно, ее предметом. Предмет же правоведения специфический: явления и процессы, связи и отношения, изучаемые им, несравненно более "заземлены", привязаны к так называемому "малому времени" — конкретно-историческим условиям и повседневным житейским потребностям людей, чем предметы не только естественных, но и других общественных наук, в особенности философии. По этой причине эти явления и процессы, связи и отношения более подвижны, нежестки, переменчивы и т.д. Это обстоятельство, разумеется, не может не отражаться на дальности горизонта прогнозирования в юридической науке, т.е. на его временном интервале. Предвидеть, какие конкретные изменения произойдут, например, в форме, системе законодательства, структуре, динамике и других количественных характеристиках правонарушаемости даже в 2010 г. не говоря о более дальнем периоде, сегодня практически нереально. Однако это не должно давать повод для нигилизма в отношении возможностей юридической науки в долгосрочном прогнозировании. Наша наука — это наука отнюдь не сегодняшнего и завтрашнего дня. Как и другие науки, она не только может, но и должна "отрываться" от сегодняшней социальной практики, идеально, теоретически перестраивать существующие государственно-правовые институты и отношения, предсказывать появление новых, создавать их проекты, модели и т.д., т.е. заглядывать в будущее довольно отдаленное. Однако в отличие от краткосрочного и даже среднесрочного прогнозирования, долгосрочное научное предвидение в юридической науке, как, впрочем, и в других общественных науках, имеет существенные особенности.

Во-первых, социально-правовой исследовательский прогноз, рассчитанный на более или менее длительный период, не следует жестко "привязывать" к определенному количеству лет (например, к 30, 40, 50 и т.д.). Такие прогнозы, как свидетельствует опыт, не могут отличаться надежностью. Гораздо более достоверны прогнозы, ориентированные на наступление определенных этапов в развитии общества или иных событий социального значения. Юристы с высокой степенью обоснованности могут, например, прогнозировать изменения в советской государственности, праве, в том числе отдельных его отраслях, которые произойдут в результате демократизации советского общества, развития рыночных отношений, формирования правового государства и т.п. Однако когда, через сколько лет завершится этот процесс, предвидеть ныне практически невозможно.

Достаточно достоверными могут быть также прогнозы изменений в сфере правового регулирования, в содержании отдельных правовых институтов и отраслей, связанных с некоторыми намечающимися новыми открытиями в области науки и техники (медицины, биохимии, генной инженерии, вычислительной техники и т.п.), хотя и здесь никто заранее не может точно предусмотреть, в течение какого времени это произойдет. Хорошо известно, что открытия часто рождаются не там, где их ждут.

Во-вторых, долгосрочное (и даже среднесрочное) прогнозирование в правоведении еще в гораздо большей степени, чем краткосрочное, требует комплексного подхода. Оно не может быть осуществлено исключительно путем выявления тенденций развития того или иного государственно-правового явления и механического их экстраполирования в будущее (если совсем недавно, например, существовала отчетливо выраженная тенденция к увеличению количества ведомственных и локальных нормативных актов, то это не значит, что она обязательно должна сохраниться, скажем, и через 10—20 лет). Здесь необходим всесторонний учет многих социальных условий и факторов, в том числе отсутствующих в момент прогнозирования, которые могут оказать влияние на дальнейшее изменение отмеченных тенденций. Причем по мере удлинения периода прогнозирования (прогностического горизонта) количество этих условий и факторов увеличивается. Такой учет во многом зависит от качества прогнозирования в других областях общественной жизни.

Сегодня практически нет области человеческой деятельности, которая в большей или меньшей степени не соприкасалась бы с правом. Экономические и политические отношения, научно-технический прогресс, охрана и рациональное использование природных ресурсов, освоение космоса, Мирового океана, развитие автоматизированных систем управления, новых видов связи и информации, медицины, демографические процессы — все эти и многие другие области оказывают заметное воздействие на перспективы развития права. Вполне понятно поэтому, что наличие достаточно точных прогнозов в указанных областях является необходимым условием достоверности правового предвидения. Следовательно, важный резерв повышения надежности социального прогнозирования состоит в объединении усилий ряда отраслей науки в разработке комплексных, интегрированных прогнозов. А это в свою очередь предъявляет новые, более высокие требования к взаимодействию наук. Ныне это взаимодействие ограничивается преимущественно интеллектуальными контактами, т.е. взаимным использованием результатов исследований, осуществляемых представителями разных наук, либо, в лучшем случае, известными организационными формами — координацией исследований, т.е. плановым согласованием исследуемых проблем через соответствующие научные советы; кооперированием сил, т.е. созданием междисциплинарных, иногда даже межведомст-

венных, авторских коллективов для совместного исследования комплексных проблем, в том числе прогностического характера. Не умаляя значения указанных форм взаимодействия, нельзя не замечать их слабой эффективности. Объединение ученых разных специальностей, в том числе неюридических, одной проблемой исследования осуществляется нередко чисто механически. Поэтому организационные формы взаимодействия наук необходимо дополнить разработкой согласованной методологии и методики исследования на основе разумного разделения труда и функций участников комплексных программ.

В-третьих, множественность факторов, которые оказывают или могут оказывать в будущем влияние на развитие государственно-правовых явлений, не может не отражаться на конкретности и точности социально-правовых прогнозов вообще, и долгосрочных в особенности. Прогнозирование на относительно длительную перспективу имеет преимущественно вероятностный характер. Он в свою очередь предполагает многовариантность (поливариантность) государственно-правовых прогнозов. В процессе научного предвидения рассматривается не один, а несколько перспективных путей развития политических или правовых явлений в будущем, причем поливариантный прогноз может содержать самые различные альтернативы, вплоть до противоположных, исключающих друг друга. Примером тому могут служить продолжающиеся в юридической литературе дискуссии относительно тенденций и перспектив развития сферы правового регулирования. Диапазон мнений в этом вопросе, как известно, чрезвычайно широк — от признания в качестве ведущей тенденции в условиях бурного развития НТР расширения сферы правового регулирования⁸ до утверждений о том, что в настоящее время в нашем обществе происходит сужение действия юридических норм, которое по мере продвижения его вперед будет проявляться все отчетливее⁹.

В принципе оба эти крайние варианта, несмотря на их взаимоисключаемость, при прогнозировании развития правового регулирования на длительный период возможны (во всяком случае для рассмотрения вполне пригодны), хотя если говорить о современности, то нельзя не признать, что более близкой к истине является первая из приведенных позиций. И качественный и количественный анализ тех реальных процессов, которые происходят ныне в сфере правового регулирования, позволяет утверждать, что под влиянием научно-технического прогресса она расширяется. При условии повышения роли и престижа правового регулирования, можно предполагать, что она будет расширяться и в дальнейшем (во всяком случае вплоть до завершения научно-технической революции, которое по прогнозам ряда ученых произойдет где-то в 2020—2030 гг.). Но какие факторы будут определять развитие правового регулирования после завершения НТР? Не окажется ли более сильным воздействие на него других, в том числе субъективных, факторов еще до завершения НТР? Можно ли судить об измене-

60

ниях в сфере правового регулирования исключительно на основе анализа законодательства, в частности количественного его роста или, напротив, сокращения? Перечень вопросов, уяснение которых необходимо для правильных, научно обоснованных выводов о перспективах развития правового регулирования, можно продолжать. От ответов на них в значительной степени зависят варианты прогноза.

Поливариантный характер правовых прогнозов с длительным периодом упреждения не исключает и однозначные долгосрочные прогнозы. В области законодательства, например, можно совершенно однозначно прогнозировать необходимость полной или частичной обновляемости принимаемых сегодня нормативных актов (даже при достаточно высоком их качестве) через 20—30 лет (сроки зависят от сферы правового регулирования, его объекта, места акта в системе законодательства и т.п.).

В-четвертых, с увеличением прогнозного периода меняется соотношение качественных и количественных характеристик прогнозируемого государственно-правового явления. Если в краткосрочных прогнозах количественным характеристикам отводится не меньшее значение, чем качественным, а нередко они даже доминируют над последними (как это имеет место, например, при прогнозировании динамики правонарушений), то при долгосрочном прогнозировании преобладают качественные оценки. В прогнозе развития социалистической демократии, советской государственности и самоуправления, к примеру, для нас важны не столько количественные, сколько качественные изменения в них. Давать точные количественные характеристики этим изменениям необязательно, а нередко и вовсе невозможно.

Ныне в условиях осуществляемого в стране обновления отчетливо заметен количественный рост различного рода общественных движений, "неформальных" объединений, других форм социальной самодеятельности населения. После долгих лет застоя такой "всплеск" общественной активности, очевидно, закономерен. Однако точно предвидеть, будут ли процессы демократизации сопровождаться ростом количества этих форм через 10—20—30 лет и если будут, то насколько они возрастут по сравнению с нынешним периодом, нельзя. Но даже если бы такая количественная оценка была возможна, она отнюдь не обязательна для прогнозирования развития демократии. Ведь увеличение количества ее форм и институтов, "охвата" ими населения отнюдь еще не свидетельство ее прогрессирующего развития (тем более, если количественные показатели, массовость остаются на бумаге, как это зачастую бывало в недалеком прошлом). Гораздо важнее повысить действительную активность населения, а это может быть достигнуто иногда и при уменьшении количества форм его "вовлечения" (в частности, когда престиж таких форм невысок).

Соотношение качественного и количественного аспектов правового прогноза, разумеется, не может быть одинаковым в различных сферах

прогнозирования. Однако, чем длиннее горизонт предвидения, тем удельный вес количественных оценок становится меньше. Это относится даже к областям борьбы с правонарушениями, где количественные характеристики имеют особенно важное значение. Дать их на длительный период (например, до 2005—2010 гг.) практически невозможно, но качественный прогноз вполне вероятен. Можно, например, совершенно определенно говорить о том, что к указанному периоду произойдут существенные изменения в экономике, система государственных органов и организаций, занятых борьбой с правонарушениями и преступностью, будет располагать более мощной ресурсной базой и действовать более согласованно; повысится научный уровень, профессионализм, конкретность, действенность мероприятий по профилактике и предупреждению правонарушений; значительно расширятся возможности для более полного выявления совершенных правонарушений и лиц, склонных к их совершению, и т.д. Все это должно оказать благотворное воздействие на состояние борьбы с правонарушениями и преступностью.

Наконец, в-пятых, длительность прогностического горизонта (прогнозного периода) оказывает заметное влияние на выбор способов и конкретной методики государственно-правового прогнозирования.

В литературе по прогностике различают три основных способа социального прогнозирования: экстраполяцию, т.е. проекцию на будущее тенденций развития тех или иных социальных явлений в прошлом и настоящем; моделирование, т.е. построение числовых моделей на основании количественного анализа разнообразных социальных процессов и распространения полученных результатов на будущее; экспертизу. Однако такая классификация весьма условна, поскольку, например, прогностическое моделирование социальных явлений, как правило, невозможно без экстраполяции и экспертных оценок, последние в свою очередь представляют собой итоги экстраполяции и моделирования экспертом исследуемого объекта и т.д. В разработках прогнозов применяют также методы аналогии, индукции и дедукции, различные статистические, экономические, социологические и другие методы. Конкретные методики, по которым ведется прогнозирование, образуются путем сочетания ряда методов. По различным оценкам таких методик в настоящее время насчитывается от 120 до 300. Цифра весьма внушительная, однако, во-первых, данные методики относятся к различным этапам прогнозирования (определению его объекта и целей, рабочих гипотез, сбора информации, ее обработки и т.д.), а не только к этапу собственно прогноза (т.е. выражаясь языком прогностики, построения сценария прогноза); во-вторых, они в значительной степени определяются субъективными факторами — уровнем квалификации прогнозистов, степенью изученности исходной информации и т.п., поэтому не всегда могут служить эталонами; в-третьих, отнюдь не все названные методики пригодны для прогностических исследований госу-

дарственно-правовых явлений. Вместе с тем множественность методик свидетельствует о том, что неверно было бы требовать от специалистов, занимающихся разработкой методологии и методики прогнозирования, какой-то единой универсальной методики научного предвидения в области правоведения, пригодной для любых объектов и временных интервалов прогнозирования.

Нельзя не признать, что на фоне других наук арсенал методов научного предвидения (особенно, в завершающей его стадии) в юридической науке пока остается довольно бедным. По существу правоведами более-менее активно используются главным образом методы экстраполяции (причем преимущественно простой, линейной) и метод экспертных оценок (и то нередко без надлежащего соблюдения основных его требований). Даже статистический метод (а вернее метод статистической экстраполяции) — это, выражаясь словами В.И.Ленина, "одно из самых могущественных орудий социального познания"¹⁰ — в силу ряда причин используется правоведами пока слабо. Между тем прогнозирование начинается с анализа фактов, без этого невозможны никакие серьезные фундаментальные прогностические исследования. Поэтому до тех пор, пока правоведам (как впрочем и обществоведам в целом) не будет открыт широчайший доступ к социальной статистике, призывы к повышению эффективности их разработок останутся благими пожеланиями. Происшедших в последние два-три года положительных сдвигов в "рассекретивании" статистики (в том числе судебной) явно недостаточно.

Наибольший опыт применения метода экстраполяции накоплен в прогностических исследованиях динамики правонарушений, в особенности преступлений. Он свидетельствует о том, что при прогнозировании ее на короткий отрезок времени (исключительно в рамках горизонта текущего прогноза, т.е. не более 2, а по мнению V Конгресса ООН по предупреждению преступности — до 3 лет)¹¹, когда к тому же недостаточно изучены причины, вызывающие правонарушения, указанный метод (т.е. распространение существующих тенденций динамики правонарушений на будущий период) может оказаться весьма полезным.

Однако попытки построить на основе линейного экстраполирования прогнозы движения правонарушений даже на пятилетие, не говоря о более длительных временных интервалах, приводят к ошибочным выводам. И это вполне закономерно. Для того, чтобы прогноз был достоверным, необходимо не только установление тенденций движения правонарушений в прошлом и настоящем, но объективная оценка всей совокупности взаимодействующих факторов, которые могут оказать влияние на динамику правонарушений в будущем. Небольшую научную и практическую ценность имеют прогнозы, основанные на линейном экстраполировании, также в других областях правоведения.

Не всегда отличаются высокой степенью достоверности и прогнозы, базирующиеся на применении метода экспертных оценок. Такие

оценки, как показывает опыт, нередко содержат много субъективного, на них не могут не отражаться индивидуальные особенности оценивающих (экспертов), уровень их профессиональной подготовленности и т.п.

Как видим, используемые ныне правоведением методы недостаточно надежны даже при краткосрочных прогнозах (причем в отношении правовых явлений, для которых имеются данные за предыдущие периоды). Тем большую сложность представляет выбор методологического инструментария при долгосрочном прогнозировании. Ряд методов, весьма полезных для краткосрочного или текущего предвидения (экстраполирования, даже так называемого оценивающего, критического интерполирования и др.), для прогнозов с относительно длительным периодом упреждения оказываются непригодными. Такие прогнозы возможны только в результате применения комплекса методов, включающего как традиционные для правоведения методы (индукции и дедукции, статистические, конкретно-социологические, метод экспертных оценок и др.), так и сравнительно новые для него средства и приемы исследования.

Повышению уровня надежности правовых прогнозов, ориентированных на длительный период, способствовало бы, в частности, более активное использование в прогностических правовых исследованиях математических методов и вычислительной техники. Однако приходится констатировать, что правоведы пользуются математическим аппаратом весьма скромно, более того, в последние 15 лет наблюдается заметный спад былой активности в его освоении. В немалой степени здесь сказалась, очевидно, абсолютизация возможностей названных методов в период "кибернетического бума", когда заметно проявлялись неоправданная тенденция к универсализации отдельных этих методов, стремление придать им статус философских концепций, т.е. некой волшебной палочки — выручалочки, способной дать надежное, математически точное и, главное, автоматически действующее средство решения всех методологических проблем¹². Не способствовало постоянству интереса к указанным методам и далеко не всегда умелое их применение к исследованию правовых явлений как правоведами, так и, особенно, представителями других наук, в частности специалистами по формальной логике, вычислительной технике и информатике. Такое применение нередко заканчивалось, выражаясь словами В.И.Ленина, "переодеванием" правовых явлений в модные математические термины и формулы, что не только не давало "приращения" научных знаний об этих явлениях, тенденциях и закономерностях их развития, но и порой приводило к крайне упрощенной трактовке правовой действительности и, стало быть, к ее искажению.

Нельзя не учитывать и объективных трудностей, с которыми пришлось столкнуться исследователям при применении математических методов. Среди них можно назвать следующие:

а). Системы человеческих связей, с которыми имеют дело общест-

венные науки, в том числе юридическая, в отличие от физиологических процессов не рефлексны. Как отмечается в литературе, "точное описание обратных связей затруднено здесь необходимостью учета таких этапов, как переработка информации, принятие решений и т.д., развертывание которых серьезно видоизменяет ситуации, делая их трудно планируемыми и трудно предсказуемыми"¹³;

б). Если в естественных науках исследователь имеет возможность в соответствующих случаях произвести известную нивелировку, уравнивание (в каких-то отношениях) изучаемых явлений или их свойств, то в правоведении, как и в обществознании в целом, такое обезличие, подведение под единый знаменатель, как правило, невозможно. Социальные, в том числе правовые, явления настолько сложны и многомерны, что многие из них не поддаются квантификации, т.е. измерению качественных признаков (количественной оценке, выражению);

в). В отличие от естественных наук общественные науки органически включают в содержание самого знания субъективный момент, привносимый не только и даже не столько исследователем, сколько самим объектом научного социального познания¹⁴. Ведь таким объектом в общественных науках прямо или косвенно выступает действующий, творческий человек (организованные коллективы людей, большие социальные общности). Он, как и субъект познания, не может быть элиминирован, выведен из обществознания. Исследователь—обществовед, в том числе правовед, находится, таким образом, как бы внутри исследуемого объекта, а не вне его как это имеет место в естественных науках.

Созидательная, творческая природа человеческого фактора — объекта социального познания объясняет известную "привязанность" многих смысловых значений и формулировок общественных наук к конкретноисторическим условиям времени, их изменчивость, "тяготение" к непрерывному переосмыслению, что не может не сказаться на точности обществоведческого знания и, стало быть, на возможностях его математизации. Особенно это ощущается на переломных этапах истории, один из которых мы переживаем теперь;

г). Динамизм общественной действительности, сложность и многогранность составляющих ее явлений и связей между ними обуславливают значительную полисемичность ряда смысловых значений обществознания, т.е. различную их интерпретацию исследователями в зависимости от того, какие свойства и связи указанных явлений ими изучаются. Исключительная их многоплановость нередко делает спектр отмеченной интерпретации довольно широким (ярким подтверждением тому в правоведении может служить дискуссия о понимании права). Это обстоятельство существенно затрудняет алгоритмизацию и формализацию процедуры соотнесения указанных значений и выделение их количественных характеристик;

д). Математизации обществоведческого материала препятствует

обилие не поддающихся контролю случайных связей, трудность их локализации, а также некоторые другие факторы¹⁵.

Следует сказать, что правоведаы оказались недостаточно подготовленными к преодолению такого рода трудностей не только профессионально (ввиду отсутствия надлежащей математической оснащенности), но и психологически. Свидетельство тому — участвовавшие пессимистические настроения в отношении возможностей использования математического инструментария для познания правовых явлений. Думается, что при всей полезности и необходимости критической оценки достигнутого правоведами в этой области, оснований для пессимизма нет и быть не должно. Дело в том, что юридическая наука, как, впрочем, и обществоведение в целом, находится ныне лишь на начальной стадии математизации. Поэтому в отличие, скажем, от физики, биологии и некоторых других наук, где математические методы используются для формирования новых научных теорий (не философского, разумеется, уровня), в том числе прогностического характера (классическая механика, электродинамика, систематическая теория эволюции и др.), достижения правоведения в этой области гораздо скромнее. Математический инструментарий успешно применяется здесь главным образом на начальных стадиях разработки прогнозов: на уровне обработки эмпирических данных (подтверждение тому все расширяющаяся обработка на ЭВМ проводимых правоведами конкретно-социологических исследований); разработки поисковых систем (в частности, в практике законодательства, систематизации законодательства и т.п.); и др.

Накопленный юридической наукой определенный опыт использования математических методов для исследования государственно-правовых явлений позволяет более трезво, но в то же время и более оптимистично смотреть на перспективы их применения. Известные надежды в этом плане можно возлагать на дальнейшую углубленную разработку математической логики, алгебраической теории категорий и функторов, теории множеств (в особенности теории нечетких множеств Л.Заде), теории графов и некоторых других дисциплин, математический аппарат которых, будучи тесно связанным с социальной практикой и общественными науками, ориентирован не только на количественные измерения, но и на изучение многогранных и качественно различных структурных связей и свойств социальной реальности¹⁶. Расширение использования математического инструментария юридической наукой будет, очевидно, сопровождаться не только его приспособлением к нуждам правоведения, но и известной перестройкой исторически сложившихся в юридической науке представлений, а это (как свидетельствует опыт других наук, в частности физики и биологии) процесс сложный и небезболезненный.

Математизация и тесно связанная с ней компьютеризация правоведения невозможны без радикального повышения математической и компьютерной грамотности юристов. К сожалению, предпринятые в

свое время шаги в этом направлении (введение в некоторых юридических вузах спецкурсов по применению математических методов в праве) оказались малоэффективными. Основные причины — слабая связь названных курсов с реальными потребностями юридической практики, в том числе с проблемами прогнозирования; отсутствие надлежащей технической базы для апробации полученных теоретических знаний, их преломления применительно к практическим нуждам юриспруденции, что отнюдь не способствовало стимулированию интереса студентов к овладению математическим аппаратом. Следует надеяться, что ныне, в условиях перестройки, когда вопрос о компьютерном всеобуче населения поднят на уровень государственной политики, этот разрыв между математической и кибернетической теорией и практикой, в том числе юридической, будет ликвидирован.

Оптимистически оценивая резервы и перспективы использования юридической наукой математических методов, не следует забывать о том, что математизация государственно-правового познания, как, впрочем, и применение методов других естественных и технических наук, имеет определенные границы (хотя они не всегда четко просматриваются). Они должны применяться, во-первых, для нужд познания собственного предмета юридической науки — государственно-правовых явлений (а не экономических, демографических и иных процессов, как это иногда имеет место), причем в тех сферах научного освоения государственно-правовой действительности и для анализа тех юридических проблем, которые для своего решения требуют использования именно данных методов. Механическое перенесение математического инструментария в область исследования государственно-правовых явлений ведет, как уже отмечалось, к упрощенному толкованию последних, мешает укреплению плодотворного сотрудничества естественных и технических наук с правоведением. Во-вторых, использование математических методов должно влечь за собой углубление в правовую действительность, выявление в ней новых закономерностей и тенденций. В противном случае их подключение к правоведению оказывается бесполезным. В-третьих, математические методы при всей их полезности и необходимости эффективны лишь на низших ступенях познания государства и права — первом, эмпирическом уровне их исследования. Они сами по себе не могут обеспечить решение правоведением главной задача любого научного прогноза — “видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному... движению”¹⁷. Поэтому на теоретическом уровне исследований и формирования правовых прогнозов на первое место в познавательном инструментарии правоведения выдвигаются требования, законы и категории материалистической диалектики — стержня методологии любого социального, в том числе правового, прогнозирования. Именно они определяют пути обобщения и использования данных о государственно-правовой действительности, полученные с помощью иных методов, служат принципиальным исходным ори-

ентиром для решения как фундаментальных, так и прикладных проблем научного предвидения в области государства и права.

¹ См., напр.: *Сафаров Р.А.* Прогнозирование и юридическая наука // Советское государство и право. — 1969. — № 3. — С. 93–102; *Шаргородский М.Д.* Прогноз и правовая наука // Правоведение. — 1971. — № 1. — С. 40–50.

² См., напр.: *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. — М., 1968. — С. 151–174; *Гаврилов О.А.* Правотворчество и прогнозирование // Научные основы советского правотворчества. — М., 1981. — С. 185–207; *Гаврилов О.А.* Правовая система и социальный прогноз // Правовая система социализма: Функционирование и развитие. — М., 1987. — С. 254–287.

³ См. об этом: Вопросы прогнозирования общественных явлений. — Киев, 1978. — С. 75–76.

⁴ *Ямпольский С., Хилук Ф., Лисичкин В.* Проблемы научно-технического прогнозирования. — М., 1969. — С. 22.

⁵ См., напр.: Методологические проблемы социального предвидения. — Киев, 1977. — С. 23; *Бестужев-Лада И.В.* Проблемы прогнозирования и совершенствования образа жизни // Вопросы философии. — 1985. — № 11. — С. 38; *Волко-гонова О.Д.* Прогностическая функция идеологии // Вопросы философии. — 1986. — № 5. — С. 31.

⁶ Вопросы прогнозирования общественных явлений. — С. 72 и сл.

⁷ Такие взгляды встречаются в литературе, в том числе юридической (см., напр.: *Ковалев М.И.* Оптимальное отношение формального и оценочного в уголовном праве // Сов. государство и право. — 1973. — № 11. — С. 73).

⁸ См., напр.: Социалистическое право и научно-техническая революция. — М., 1979. — С. 25–36; Правовая система социализма: Функционирование и развитие. — М., 1987. — С. 274.

⁹ См., напр.: *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. — М., 1978. — С. 28; *Лазарев В.В.* Определенные сферы правового регулирования // Правоведение. — 1980. — № 5. — С. 68–69.

¹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 19. — С. 334.

¹¹ Подробнее см.: Социальные отклонения: Введение в общую теорию. — М., 1984. — С. 147 и сл.

¹² Подробнее см.: Философия, методология, наука. — С. 39.

¹³ *Ильин В.В.* О специфике гуманитарного знания // Вопросы философии. — 1985. — № 7. — С. 51.

¹⁴ Свойства познающего субъекта неизбежно привносятся и в содержание естественнонаучного знания. В этом плане между общественным и естествознанием принципиальных различий не существует, хотя личностное отношение к познаваемой действительности в общественных науках выражается преимущественно более ярко, чем в естественных. Оно преломляется сквозь призму социальной позиции исследователя.

¹⁵ *Ильин В.В.* Указ. соч. — С. 52.

¹⁶ Подробнее см.: *Гаврилов О.А.* Математические методы в юридической науке // Методологические проблемы советской юридической науки. — М., 1980. — С. 266 и сл.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 25, ч. 1. — С. 343.